

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА

Рассказы о Владимире Ильиче Ленине

Издательство „Малыш" 1969

Художник В. Гальдяев

Издание второе. Для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Ред. Л. Архарова. Худож. ред. Ю. Курышев. Технич. ред. Т. Щептева. Корректоры С. Бланкштейн и Н. Пьянкова. Подп. в печать 2/I-69 г. Бум. офс. № 1. Формат 70×90/16. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19. Уч-изд. л. 3,7. Тираж 100 000. Изд. № 184. Цена 44 к. Зак. 36. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

СТАРШОЙ

Петроград в Смольный к товарищу Ленину прибыла группа крестьян-ходоков из-под города Костромы. В полушубках крестьяне, в лаптях, в шапках-ушанках, с котомками за плечами.

Людей в те дни в Смольном было полным-полно. Тут и рабочие, тут и крестьяне. Солдаты, красногвардейцы, матросы. От человеческих голосов Смольный гудел, как улей.

Идут костромские крестьяне, смотрят налево, направо, озираются по сторонам, разыскивают Владимира Ильича Ленина.

А в это время Владимир Ильич шёл как раз им навстречу. Крестьяне к нему:

— Дорогой человек, где здесь старшой?

— Кто, кто? — переспросил Ленин.

— Старшой, — повторяют крестьяне. — Тот, кто нынче Россией правит.

— Ах, старшой, — усмехнулся Ленин. Осмотрелся Владимир Ильич вокруг себя. — Вот старшой, — показал

куда-то за крестьянские спины, лукаво улыбнулся и пошёл дальше.

Оглянулись крестьяне, видят: стоит в коридоре группа рабочих. Рядом с ними солдаты о чём-то спорят.

Матрос-авроровец мирно цигарку курит. Чуть поодаль столпились крестьяне. И тоже в полушубках, в лаптях, в ушанках. На спинах висят котомки. Тоже, видать, ходоки-пришельцы.

Смотрят костромичи то на рабочих, то на солдат, то на матроса, то на таких же, как сами они, крестьян.

— Э, да какой же это старшой, — недоумевают костромичи. Повели плечами: — Видать, ошибся тот человек с бородкой.

— Кого вам, отцы, — вдруг слышат крестьяне голос. Отошёл от рабочих какой-то парень. — Вы тут, видать, впервые.

— Впервые, мил человек. Нам, дорогой, бы к товарищу Ленину.

— К Ленину!!

— Ну да, к Владимиру Ильичу.

Покосился на крестьян недоверчиво парень, брови слегка нахмурил.

— С вами же Ленин сейчас беседовал.

У крестьян, как по команде, открылись рты:

— Кто! Тот человек с бородкой!

— Он самый, — ответил парень.

Рассказали крестьяне про их разговор с Владимиром Ильичём. Рассмеялся рабочий.

— Значит, старшого искали. Того, кто нынче Россией правит! А что, — задумался парень, — верно ответил товарищ Ленин. Так если вам к Ленину, ступайте на третий этаж.

Подхватили крестьяне свои котомки.

— Ну и ну, — заявил один. — Непонятное что-то.

— Чудное, — согласился второй.

Смотрят они на третьего, самого старого. Однако

третий стоит и молчит. Думает самый старый. Морщины, как волны, легли на лоб.

— Как же это понять, Афанасий Данилович? — полезли к нему крестьяне.

— Как! Как сказано, так и понять, — ответил старик и вдруг просиял улыбкой.

Поднялись крестьяне на третий этаж, подошли к кабинету Ленина.

— Вам к кому? — спросил секретарь у входа.

— К товарищу Ленину.

— Как доложить?

Глянул старик на своих, для пущего веса крякнул, вытер усы ладонью.

— Скажи, что пришёл старшой. Тот, кто вместе с рабочими нынче Россией правит.

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Здесь Данилка родился, вырос и всех жильцов знал наперечёт и в лицо.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Ещё этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, важных чинов и званий.

Много разного было за последние дни с той поры, как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына:

— Ну, — сказал, — отныне ты — гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики, не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник!

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный.

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф!

— Больше.

— И выше, чем князь!

— Выше, выше, — смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое, высокое, важное, важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое, высокое, важное, важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него — Данилку. Кто бы это мог Ленину рассказать!! Думает и вдруг видит: мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевёл дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я!! Я — гражданин Российской республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин, — произнёс он с насмеш-

кой. — Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя, — присвистнул Кирюха. — Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и в переносицу — раз!

Началась драка.

— Я гражданин... — пытается перекричать Данилка Кирюху.

— Нет, я гражданин... — вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и рознял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чём дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«ДЕКРЕТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ СОСЛОВИЙ И ГРАЖДАНСКИХ ЧИНОВ», — прочли они заголовок.

Далее шло о том, что всякие важные звания, чины и титулы отныне и навсегда отменяются. Не будет больше ни дворян, ни купцов, ни тайных советников, ни статских, ни князей, ни графов. «Устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской республики», — сообщалось в декрете.

Внизу была подпись:

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин)

— Так что, выходит, оба вы правы, — заявил парень. — И ты гражданин Российской республики, —

показал он на Данилку, — и ты, — показал на Кирюху, — и я — все теперь граждане Российской республики. Для всех трудовых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного.

Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Правильно сделал Ленин!

Зато, что касается графини Щербацкой, князя Пирогова-Пищаева, тайного советника Горохова и статского

советника Ардатова, то, видимо, Ленинский декрет им не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо. Ну и скатертью дорога. Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же, как Данилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

ПОНИМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Ерёмка Быков ворочался с боку на бок. Тесно, душно на печке.

Вот и отцу не спится. Да разве уснёшь. Утром, чуть свет, предстоит раздел господской земли. Не каждый день такое случается.

— Да спите вы, — ругнулась снизу, с лежанки, мать.

Притихли отец и Ерёмка. Не приходит, не жалует сон. Подтянулся отец к краю печи:

— Пойду-ка, пройдусь по воле.

— И я с тобой, — напросился Ерёмка.

— Хорошо, собирайся.

— У, неспокойные ваши души, — опять проворчала мать.

Ругается, а ведь сама тоже чего-то не спит. Тоже, небось, про землю-землицу думает.

Вышли отец и Ерёмка на улицу. Прошлись вдоль села, миновали околицу, спустились к лугу, мостком перешли через речку, поднялись на бугор — вот оно барское поле.

Пробрала ночная прохлада. Ветер то сорвётся, то стихнет. Звёзды мерцают. Месяц тучки рогами порет. Где-то пискнула мышь-полёвка. Собака в селе тявкнула.

Смотрит Ерёмкин отец на поле, слезой глаза наполняются.

— Ты чего, тять? — дёрнул Ерёмка отца за руку.

— Так, ничего, — отозвался отец. Провёл по глазам ладонью. — Всё о нём, о человеке хорошем думаю.

— О том, что декрет подписал, об Ульянове-Ленине? Добрый, видать!

— Слово, Ерёмка, не то. Понимающий он человек. Нельзя без земли крестьянину.

Постояли они, посмотрели на поле, надышались свежего воздуха, вернулись домой.

Залез Ерёмка снова на печку. «Эх, не проспать бы, не упустить бы делёж земли. Самое интересное не проворонить».

Лёг он и сразу уснул.

И вот приснился Ерёмке удивительный сон. Будто бы сам Ленин приехал к ним делить господскую землю. Ходит Ленин по полю. В руках сажень — двунога для замера земли. Заметил Ленин Ерёмку:

— А ну-ка ступай сюда.

Подбежал Ерёмка.

— Как тебя звать?

— Ерёмка.

— Вот что, Ерёмка, будешь моим помощником. Говори с кого начинать, сколько у кого едоков, сколько кому земли.

С кого начинать! Конечно, с него, с Ерёмки.

— С меня, — говорит Ерёмка.

— Э, нет, не торопись, — отвечает Ленин. — Тебе как делящему в последнюю очередь.

Поделили они господскую землю, никого не обидели. Вот и Ерёмкин приходит черёд.

На этом мальчик проснулся. Смотрит — солнце высоко. Ни отца, ни матери дома нет.

«Так это же сон привиделся, — понимает Ерёмка. — Проспал, проспал. Надо быстрее бежать на поле. А как же со сном, как же с землёй для него самого, для Ерёмки! Эх, оборвалось на самом значительном месте».

Закрыл опять Ерёмка глаза. Интересно, какой же участок ему достанется! «У луга, — решает. — Нет, сыровато! Пусть на бугре. — Подумал: — Нет, суховато». На ровном месте, поближе к лесочку — вот где желает Ерёмка иметь участок.

Зажмурил Ерёмка сильнее веки. Вот-вот и опять заснёт. Да только в эту минуту скрипнула дверь. Являются мать и отец.

— Просыпайся, вставай Ерёмка!

Обидно Ерёмке: и раздел барской земли проспал, и сон не довидел. Встал он. Радости нет.

— Да что ты, Ерёмка!!

Ничего не ответил мальчик. Оделся, вышел на улицу. Обступили его ребята, озоруют, смеются.

— Соня, соня. Проспал. Главного не увидел.

Ещё обиднее стало Ерёмке. Смотрит он на ребят и вдруг:

— А я Ленина, Ленина видел. Ленин к нам приезжал!

Поразевали ребята рты.

— Приезжал, приезжал, — уверяет Ерёмка. — С саженью ходил. А я у него был в помощниках.

— Э, да это тебе приснилось!

— А вот и не приснилось. Не приснилось. Так оно было на самом деле.

Подошёл в это время к ребятам старик Прозоров. Ерёмка к деду:

— Видел я Ленина. Видел. Ленин землю делил.

Хихикнули снова ребята. Мол, смотри, дед, Ерёмка какой брехливый.

Однако дед постоял, подумал, строго глянул на крикунов и вдруг поддержал Ерёмку.

— А как же, был Ленин. Присутствовал. Не ошибся Ерёмка.

Обалдели ребята.

— Так мы почему не видели?!

— Плохо смотрели. Без понимания. Вот и не видели, — ответил старик.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, аврорвец. Учитель он, правда, временный, до той поры, пока настоящий прибудет. Старый — сбежал, вот и понадобилась срочно замена.

Явился учитель в класс. Притихли ребята, ждут, когда тот начнёт им про буквы и цифры рассказывать.

А матрос — раз и им про «Аврору». На следующий день — про штурм и про взятие Зимнего. Потом про партию большевиков, про Советскую власть и про товарища Ленина.

Интересно ребятам. Уставят глаза на матроса, сидят, слушают.

Прошло несколько дней, стал матрос у ребят проверять, что те запомнили, что поняли и чего недопоняли.

— Что такое «Аврора!»

— «Аврора» — есть революционный корабль Балтийского флота, тот, что по Зимнему дворцу из пушки бабахнул.

— Молодцы, правильно! — хвалит матрос. — А что такое партия большевиков!

— Это та, что самая лучшая, — торопятся ответить

ребята. — Партия большевиков за то, чтобы землю — крестьянам, заводы — рабочим, мир — всем народам.

— Верно, — кивает матрос головой. — Ну, а что такое Советская власть?

— Это, когда правят страной не царь, не буржуи, а сам трудовой народ.

— Так. А кто расскажет про Ленина?

— Я, я, я... — понеслись голоса.

— Говори, Еремей Торопыгин.

Вскочил Торопыгин.

— Ленин — есть вождь всего трудового народа. Ленин в тюрьмах сидел. Ленин в ссылках бывал. Ленин всю свою жизнь за дело рабочих бился.

Доволен матрос. Смотри, какие умные стали ребята.

Стал матрос объяснять, как буква «а» пишется, как буква «б». Сколько будет один и один, сколько два и два. Дальше матрос не успел. Отозвали матроса.

Вскоре приехал настоящий учитель. Девушка-большевичка Зоя.

— Ну, что вы здесь изучали?

— Про «а» и про «б».

— Про один и один, про два и два.

— Ну, а ещё?

Жмутся ребята.

— Не успели мы больше, матрос уехал.

— Да, немного вы изучили, — говорит Зоя. — Видать, не очень прилежные?

Обидно слышать такое ребятам. Поднялся Еремей Торопыгин.

— Зато мы про Ленина знаем.

— Верно, верно! — закричали ребята.

— И про Советскую власть.

— И про партию большевиков.

— И про «Аврору», и про штурм, и про взятие Зимнего.

Улыбнулась Зоя.

— Кто же вам рассказал!

— Он, он, балтиец, аврооровец!

Задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие дела. Море балтийца ждёт.

ФРОНТ

ася Самохин — паренёк со Смоленщины — прощался с отцом и матерью. Уезжал он в Москву на Третий съезд комсомола.

— Скоро не ждите, — объяснял он родителям. — Из Москвы я прямо на фронт.

Стояла осень 1920 года. Васе было пятнадцать лет.

Ещё с весны Вася мечтал о фронте. Просился не раз, да никак не брали.

— Твой возраст пока не вышел.

Теперь же другое дело. Вася едет в Москву. Знает прекрасно Вася, что после любого съезда все делегаты, как правило, шли на фронт.

Верит Вася, что дело верное.

— В крайнем случае возраст слегка привру. Кто там в Москве проверит.

Приехал Вася в Москву. Познакомился с другими делегатами, с парнями, с девчатами — все говорят о фронте.

Размечтался совсем Василий: «Нет, в пехоту я не

пойду. В коннице всё же лучше. Так и буду проситься — в конницу, в конную армию, к товарищу Семёну Будённому». Представляет Вася себя верхом на коне, в шлеме будённовском, с острой, как бритва, саблей. Ну, берегись враги — Вася пощупал руку, удар у Васи в руке пудовый. Специально полгода дрова колол.

Чем дальше, тем больше мечтает Вася. То он лихой наездник, то он лихой разведчик, и даже, эх, размечтался совсем Василий, не рядовой он уже боец, и если ещё не совсем Будённый, то, право, немногим меньше.

Сидит Василий в высоком просторном зале. Выступают с трибуны ораторы. Не слышит Вася речей и слов — лишь храп да цокот в ушах лошадиный, лишь сабель пронзительный стук.

Но тут:

— Ленин! Ленин! — прошло по залу. И следом, словно в бою, «Ура!»

Васе казалось, качнулись стены. От возгласов рухнет, казалось, зал. По сцене к столу президиума шёл человек. «Ленин!» — признал Василий.

Владимир Ильич сел на свободный стул. Когда овация в зале стихла, Ленин достал карандаш и бумагу. Он внимательно слушал ораторов. В местах интересных кивал головой. Вместе со всеми дружно и долго хлопал.

Потом Владимир Ильич склонился к столу. Карандаш в руках Ленина быстро забегал. «Что-то пишет, — понял Василий. — Значит, выступит вскоре товарищ Ленин».

Удивился бы очень Вася, если бы видел, чем занят

Ленин. Владимир Ильич рисовал. Дом появился на чистом листе бумаги: стены, окна, крыша, труба. Над дверью большая вывеска. На вывеске слово — «школа».

Через несколько минут Владимир Ильич поднялся, быстро шагнул к трибуне.

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза Коммунистической молодёжи.

Вася заёрзал на стуле. Какие задачи! Конечно, фронт.

Вот сейчас Владимир Ильич расскажет о военном положении страны, о боях на юге, на западе. А потом обратится с призывом, мол, нет для молодёжи главнейшей сейчас задачи, чем защита страны от белых.

Приготовился Вася, ждёт.

«Мне бы лишь в конницу», — опять о своём Василий.

Но что такое!

Ни слова о юге, ни слова о западе. Ни слова о том, что идут бои. Совсем о другом выступает Ленин. И если словом сказать одним, то главной задачей для молодёжи является нынче не слово «фронт», а вовсе другое — «учиться». Эта задача из всех задач — вот о чём выступает Ленин.

И дальше о том, почему же учиться.

Потому что безграмотным быть нельзя. Без знаний глубоких коммунизм не построишь. А именно ей, молодёжи, строить в стране коммунизм.

И дальше о том, как же учиться.

Учиться упорно. Учиться всему. Помнить, что не первый день живут на планете люди. Любая наука имеет свою историю. Самое лучшее, передовое нужно взять из любой науки.

Но это задачи ещё не все.

Надо не только самим учиться, надо учить других. И не только учить других, надо ещё работать. Пусть самой малой, самой простой будет твоя работа. Но старайся всё делать так, чтобы люди сказали тебе спасибо.

Понял Вася: учёба и труд — вот основные сейчас задачи. Понять Василий понял. А как же, простите, фронт! С белыми Вася мечтает биться.

В перерыве Вася пробрался к Ленину. Да не только один Василий. Оказалось таких немало. Окружили делегаты Владимира Ильича. Каждый ему о фронте. Под видом, мол, личной просьбы.

И Вася ему о фронте.

— Мне бы в конницу, — просит Вася.

Посмотрел Владимир Ильич на Васю, посмотрел на других.

— Что же, товарищи, если речь тут идёт о фронте, разногласий у нас не будет. Дело учёбы — тот же сегодня фронт. Важнейший к тому же, — добавил Ленин.

СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА

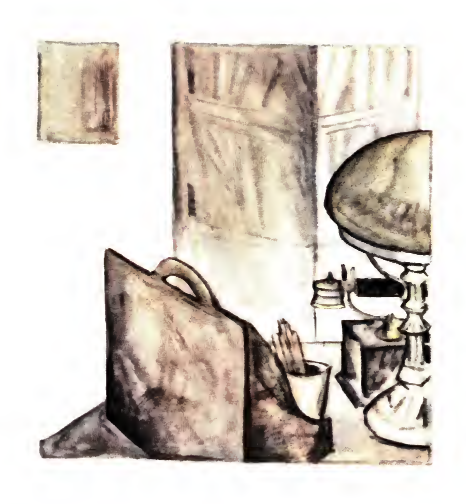
т рабочих и крестьян на имя Владимира Ильича поступало много различных посылок. Присылали хлеб, крупу, сахар (с едой тогда было плохо). Приходили и другие подарки. Рабочие-кожевники присылали Владимиру Ильичу тулуп из овчины, вологодские кружевницы — нарядное покрывало, текстильщики из Петрограда — мягкий пушистый плед.

Получая такие подарки, Ленин хмурился.

— Да что вы, Владимир Ильич, — успокаивали Ленина товарищи по работе. — От души ведь идут подарки, от благодарного сердца.

— Так-то оно так, — соглашался Ленин. — А всё-таки, понимаете, неудобно, неловко. Это всё от старых времён, от старых традиций: барину — носили, попу — носили... С этим пора кончать. Кончать, — строго повторял Владимир Ильич.

И вот однажды Ленин получает письмо. Письмо издалека, из-под Гомеля, из города Клинцы от рабочих Стодольской суконной фабрики.

Читает Владимир Ильич письмо, поздравляют рабочие Ленина с приближающейся пятой годовщиной Октябрьской революции, желают хорошего здоровья, а ниже: «...посылаем тебе к празднику... скромный подарок

нашей выработки». И пишут, что за подарок — отрез сукна.

Под письмом стоят подписи. Да не две, не три, целых четыреста.

Хотел Владимир Ильич рассердиться. Однако потом передумал. Решил не огорчать рабочих под праздники.

Взял Владимир Ильич перо, бумагу и написал рабочим такой ответ:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим...

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

Получили в Клинцах ленинское письмо, прочли. Довольны рабочие. Хорошее письмо, тёплое, с благодарностью.

Однако пришлось рабочим и призадуматься. Поняли они: не одобряет подарков Ленин. И в отношении просьбы, хотя она и секретная, тоже что к чему разобрались верно. Приняли рабочие просьбу Владимира Ильича как боевой приказ. Всем о ней в Клинцах рассказали. Да не только в Клинцах, а шире — по всей округе.

А как-то один из стодольских рабочих Степан Шерстобитов ездил в родную деревню под самый Минск и там рассказал о ленинской просьбе.

Огорчились, конечно, крестьяне. Как раз собирались они к новому году послать в подарок Владимиру Ильичу бочонок душистого мёда. Однако просьба есть просьба — пришлось крестьянам её уважить.

Случилось так, что в те же дни и в той же самой деревне был на побывке красноармеец Иван Додонов.

Вернулся Додонов в свою часть, привёз и туда просьбу товарища Ленина.

Кончился у красноармейцев срок службы, разъехались они по разным сёлам и городам и тоже на новых местах о секретной просьбе товарища Ленина всем рассказали.

Передавалась эта просьба из уст в уста. Ходила по ближним и дальним местам. Дошла и до наших дней.

Вот и я вам о ней рассказал. И вы, в свою очередь, тоже о ней расскажите. Только помните: просьба была секретная.

Ну, а подарки! Что же — перестали рабочие и крестьяне присылать подарки товарищу Ленину! Нет. Продолжали.

В чём же тут дело!

Трудно понять. Россия — страна огромная. Может, не все о той просьбе знали. А может, другие какие причины...

БАЛАМУТ

Однажды Ленин получил письмо: «Дорогой Владимир Ильич, прими от нас крестьянский поклон, а к Октябрю будет тебе подарок».

— Ну вот, снова подарок, — рассердился Владимир Ильич.

Что за подарок, крестьяне пока не писали. Решили держать в секрете.

— Оно же всегда интереснее, когда наперёд не знаешь, какой для тебя гостинец, — рассуждали крестьяне.

Подарок же был обычный. Решили мужики к Октябрьской годовщине послать Владимиру Ильичу мяса и сала.

Довольны крестьяне своим решением. Да только как всегда в любом деле обязательно найдётся какой-нибудь баламут. Оказался такой и здесь — бывший красноармеец, будёновец Селивестр Дубцов.

— Э-э, безголовые, — ворчал он на мужиков. — Разве это подарок?

— А что! — отбивались крестьяне. — Владимир Ильич тоже, считай, человек. Что он пищей другой питается! Сало ему в самый раз.

— Сало, — усмехался Дубцов, — фантазии нет.

— Баламут, как есть баламут, — ругались крестьяне. — Эка слово какое выдумал!

Целую неделю не давал Дубцов никому покоя. Ходит, твердит:

— Фантазии нет. Фантазии нет.

Обозлились крестьяне, явились к Дубцову.

— Ну-ну. Расскажи про свою фантазию.

И тут вдруг Дубцов заявил такое, отчего на крестьян напал такой хохоток, что окна в избе задрожали.

Предложил Дубцов собраться крестьянам, кирки, лопаты в руки и, не мешкав, проложить до станции (а это без малого девять верст!) дорогу.

— Дорогу! — хохотали крестьяне.

— Да на кой она Ленину!

— Выходит, самим же себе подарок.

— Баламут, вот баламут, а ещё будёновец!

Но потом, через несколько дней, когда насмеялись крестьяне вволю, вдруг кто-то робко в селе сказал:

— А что, мужики, и верно. Может, одобрит дорогу товарищ Ленин.

— Может, и верно, — заколебались теперь крестьяне.

— Не может, а точно, — гудел Дубцов.

Уговорил всё же Дубцов односельчан.

Собрались крестьяне. Работали дружно. Как раз к Октябрю и управились. Даже мосток через речку Каменку и тот навели.

Написали крестьяне Владимиру Ильичу письмо, поздравили с праздником, а в конце указали и про дорогу. Мол, как хочешь, так и понимай, а дорога эта вроде как наш для тебя подарок. Не взыщи, если не угодили. Виною всему баламут Селивестр Дубцов, бывший будёновец.

Вскоре прибыл ответ.

«Сердечное спасибо», — значилось в том ответе. Владимир Ильич писал, что подарок от крестьян замечательный. Что лучшего ему и не надо. Кончалось же письмо от Ленина тем, что эта дорога в девять верст — ещё один шаг страны к коммунизму.

Читают крестьяне.

— Вот это да!

— Ну и ответ!

— Вон оно как повернул Ленин!

Понравился всем ответ.

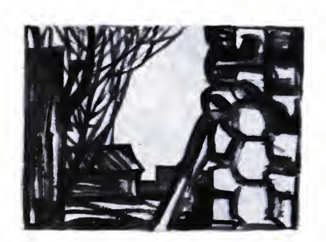
— Оно бы, пожалуй, стоило Владимиру Ильичу, — рассуждают крестьяне, — и к Маю какой подарок...

После долгих споров решили построить клуб.

СТАРЫЕ ДВОРИКИ

Пожар полыхал целый день. А к вечеру от Старых Двориков остались лишь трубы и печи. Избы сгорели, амбары сгорели. Бани и те в огородах сгорели. Погибло всё: сундуки и полати, столы и иконы, телеги и сани. А самое страшное: весь урожай сгорел.

Редко такое бывает. А тут — на вот тебе, случилось.

Остались одни погорельцы. Собрались они на ужасном своём пепелище. Режет воздух бабий протяжный вой.

Кто же беде поможет!

С брёвнами плохо — округа у них не лесистая. Да скоро ли наново всё построишь! А гвозди где взять, а железо! А как же быть с хлебом! Двести голодных ртов! Осень к тому же стучится в двери.

— К Ленину нужно, к Ленину. Он единый заступник в таком несчастье.

Кто-то крикнул и тут же осёкся.

— Да откуда у Ленина брёвна!

— Да где это видано, чтобы хлеб из Москвы в село!!

— И всё же, сограждане, к Ленину, — нашёлся ещё один. — Расскажем, а там как присудит.

Добрались крестьяне к Ленину. Держат речь о своей беде. Внимательно слушает Ленин.

— Скажите, как дети?

— Покамест в соседних сёлах.

— А как остальные?

— Землянки роем, с брёвнами плохо, Владимир Ильич.

— Ну с этим мы вам поможем. Сложнее быстро построить избы. Как вы управитесь?

— Нам бы лишь брёвна. А там уж даст бог.

— Тут бог ни при чём. Не поможет. Не даст, — Ленин задумался. — Скажите, квартируют в вашем уезде военные части?

— Пулемётные курсы в уезде есть.

— Вот это уже солиднее. В зерне тоже вам не откажем. Дадим, но, правда, немного. Прежде всего для посева.

— Благодарствуем, — кланяться стали крестьяне. — Спасибо вам от всего села.

— Рано, рано, — остановил их Владимир Ильич. Снял телефонную трубку:

— Тут крестьяне в большой беде. — И дальше — про брёвна.

Повесил. Снова снял телефонную трубку:

— Тут крестьяне в большой беде. — И дальше — про пулемётные курсы.

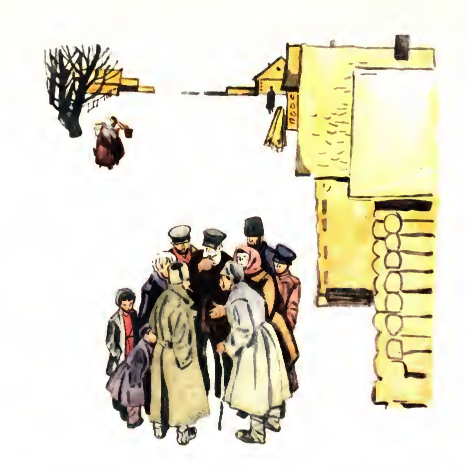
В третий раз позвонил Владимир Ильич и распорядился в отношении хлеба.

— Ну вот, теперь всё, — сказал Владимир Ильич. — Надеюсь, всё будет у вас в порядке.

Опять начинают крестьяне благодарить Владимира Ильича.

— А вот этого вовсе не надо, — прерывает их Ленин. — Это мой долг. Если хотите — моя обязанность: и перед вами, и перед рабоче-крестьянской властью. Ещё раз успехов желаю, товарищи!

Вскоре в Старые Дворики прибыли обещанные лес и хлеб. А следом за ними и рота с уездных курсов.

Взвизгнули пилы, ухнули топоры. Дружно пошла работа.

Месяц — и вновь народилось село. Стоит оно новое, новое. Красуется избами ладными в ряд.

Собрались у изб крестьяне.

— Да какие же это Старые Дворики — новое нынче у нас село. Ему и название нужно новое.

— Верно, — шумят крестьяне.

Пошли предложения:

— Новые Дворики.

— Светлые Дворики.

— Не то, не то, — идут голоса. — Хорошо, да не то. Не самое меткое.

И вдруг:

— Дворики Ленинские, — выкрикнул кто-то.

— Вот теперь то! — торжествуют крестьяне.

Нет Старых двориков. Дворики Ленинские на том месте теперь стоят.

НОВЫЕ ВАЛЕНКИ

олжность у Кати была маленькая, маленькая — «куда пошлют» называлась. Работала она посыльной в одном из советских учреждений.

Вызвал однажды Катю к себе начальник, вручил важный пакет, наказал срочно идти в Кремль, передать пакет лично товарищу Ленину.

Отправилась Катя. Идёт, торопится. А сама всё время на свои валенки посматривает.

Валенки у неё старые, старые, с дырками. Отжили они свой век. Истоптала их Катя, бегая по разным учреждениям.

Неловко Кате в таких валенках являться к Владимиру Ильичу. Да что поделаешь. Трудно в те годы было с обувкой.

Правда, мог бы о Кате позаботиться её начальник. Только ведь начальник постоянно разными важными делами занят. Где ему думать о Катиных валенках.

Пришла Катя в Кремль. Пропустили её в кабинет к Владимиру Ильичу. Передаёт Катя пакет товарищу

Ленину, а сама старается сделать так, чтобы Владимир Ильич не обратил внимания на её валенки.

Думала Катя, передаст пакет и сразу уйдёт. Однако Владимир Ильич задержал девушку. Стал он интересоваться, давно ли Катя работает. Где училась, сколько классов окончила. Есть ли у Кати родители.

Ответила Катя Владимиру Ильичу на его вопросы, простился Ленин с девушкой, пожелал ей успехов.

Довольна Катя. Казалось ей, что Ленин так и не заметил, какие у неё на ногах валенки.

Однако Владимир Ильич заметил. Снял Ленин тут же телефонную трубку, позвонил Катиному начальнику,

пристыдил того, что начальник плохо заботится о своих подчинённых.

Прошло два дня, и вот вызывают Катю опять к начальнику. Переступила Катя порог кабинета и замерла: в руках у начальника валенки — новые, фетровые, с галошами.

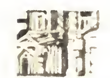
— Ну что же, бери, — сказал начальник растерявшейся Кате.

Смутилась Катя, не решается шаг сделать.

— Бери, — рассмеялся начальник.

Взяла Катя валенки, побежала вниз, примерила. Оказались они точь-в-точь по Катиной ноге.

Идёт Катя в обнове по морозным московским улицам. Хрусть-хрусть под ногами снег.

РАЗ, ДВА, ТРИ

едко удавалось Владимиру Ильичу оторваться от срочных и важных дел. И всё же нет, нет — выкроит Ленин время, сядет в автомобиль, уедет за город куда-нибудь прямо в лес.

Выйдет Владимир Ильич из машины, снимет кепку, заложит руки за спину, пойдёт бродить между берёз и елей.

Идёт Владимир Ильич не торопясь. Увидит белку, остановится, на белку посмотрит. Услышит птичий щебет, подымет голову, смотрит на птиц. Ползёт по траве букашка. На букашку Владимир Ильич посмотрит. На гриб залюбуется, на нехитрый лесной цветок. Всё интересно Ленину. Отдыхает в такие минуты Ленин.

Походит Владимир Ильич по лесу, вернётся в Москву. Снова садится работать до поздней ночи.

В одну из прогулок, выйдя в лесу на поляну, Ленин увидел девочку.

Девочка маленькая. С чужого плеча пальтишко. Из-под платка косичка на мир глядит. Стоит она у берёзы

и горько плачет. Держит в руках лукошко. В лукошке гриб, всего один — подосиновик.

— Ты что же плачешь? — спросил Владимир Ильич.

Не ответила девочка. Даже сильнее ещё заплакала.

— Ну вот, такая большая девочка, — покачал головой Владимир Ильич. — Не стыдно тебе?

Не помогло.

Видит Ленин, упрямая девочка. Порылся Владимир Ильич в кармане, наклонился к лукошку:

— Раз, два, три — появись на дне орех! — И смотрит на дно лукошка.

Девочка заинтересовалась. Стихла. Заглянула она в лукошко, правда — лежит орех.

«Вот это да!» — поразилась девочка. Вытерла слёзы, смотрит удивлённо на Ленина.

— Как же тебя зовут? — спросил Владимир Ильич.

— Варя.

— Что же, Варя, с тобой случилось?

— Заблудилась, — прохныкала девочка.

— Где же твой дом?

— Я из Мироновки.

— Не тужи. Разыщем твою Мироновку.

Взял Ленин Варю за руку, повёл чуть заметной тропкой к автомобилю.

Идут они лесом.

— А где же твои грибы?

Неудачлива Варя. Не попались Варе в лесу грибы. Пусто в её лукошке.

— Нехорошо возвращаться домой с пустыми руками, — сказал Владимир Ильич. — Это дело надо поправить.

Свернул Владимир Ильич с тропинки, остановился и вдруг:

— Раз, два, три — появись-ка белый гриб!

Глянула девочка, верно — гриб. Гриб боровик. Толстая ножка, мясистая шляпка, под дубком, как солдат, стоит. Наклонилась Варя, а рядом ещё один гриб, чуть дальше стоит и третий. За третьим ещё и ещё. Собрала их девочка — полно лукошко. Смотрит удивлённо на Ленина.

Прошли они лесом ещё немного. Остановился Ленин, хитро глаза сощурил и вдруг:

— Раз, два, три — появись автомобиль!

Глянула Варя за куст, за ёлку. Ну и чудо, чудо из всех чудес — стоит на полянке автомобиль.

— Что же, садись, — сказал Владимир Ильич и открыл перед Варей дверцу.

Лезет Варя, торопится.

Покатил автомобиль сначала по лесной дороге,

потом полем — с бугра на бугор. Поворот. Вот и мелькнула Мироновка.

Только не рада Варя теперь Мироновке. Жалко ей, что вот и кончается всё.

Довёз Ленин девочку до самой околицы, помахал на прощание рукой, уехал.

Прибежала Варя домой, рассказала, как заблудилась она в лесу, как появился потом в лесу незнакомый ей человек. Про чудеса рассказала: про автомобиль, про грибы, про орех.

— Он волшебник, — шептала Варя. — Он всё, что желаешь, может.

Долго потом гадали в Мироновке, какой же такой человек Варю из лесу вывел.

ФОМКА И НЮТКА

Не послушался Фомка совета Нютки. В первый раз не послушался... Крестьяне села Кашино построили электростанцию. Строили дружно, все вместе. Электростанция хоть и маленькая, зато первая в тех местах. Появились в деревне столбы. К домам провода протянулись.

Радость у всех огромная.

— Первая! — торжествуют крестьяне. — Построили! Своими руками. Вот оно как!

Пригласили кашинцы на открытие электростанции Владимира Ильича.

Согласился Ленин. Собрался он в Кашино вместе с Надеждой Константиновной Крупской.

— Интересно, на чём же они приедут, — стал прикидывать Фомка. — Телегу за ними, небось, пошлют.

— Телегу! — усмехнулась Нютка, посмотрела на Фомку. — На автомобиле они прибудут — во!

Верно. Гости приехали на автомобиле.

Хорошо их встретили в Кашине, с оркестром.

— Сейчас «Интернационал» заиграют, — сказала Нютка.

Верно: сыграли «Интернационал».

Нютка всё знала. Была она старше Фомки, смышлёнее и умнее. Ходил Фомка за Нюткой, словно телок. Во всём слушался.

— А теперь их в избу поведут, — вновь объясняет Нютка.

И опять не ошиблась девчонка. Гостей повели в избу — погреться с дороги, дело было глубокой осенью, отведать крестьянского угощения.

Собрались ребята возле избы. Ждут, когда выйдет на улицу Ленин. Смотрят, ещё кто-то приехал к ним в Кашино. Идёт по улице человек, ящик висит за спиной, в руках у него тренога.

— Ой, что будет, что будет! — зашептала Нютка на ухо Фомке.

Смотрит Фомка на Нютку — что же такое будет!

— Фотограф приехал, — сообщила Нютка.

И правда. Из города Волоколамска приехал фотограф. Подошёл он к избе, стал расставлять треногу.

Глазеют ребята. Им такое впервой. А Нютка уже снималась. В Волоколамске она бывала.

— Когда будут сниматься, — наставляет приятеля Нютка, — становись в первый ряд. Норови поближе к фотографу. Никто не заслонит.

Кивает Фомка, мол, как же, конечно, мол, понял.

— Не торопись. Выжди, — не унимается Нютка. — Пусть раньше другие сядут.

Вышли Владимир Ильич и Надежда Константиновна из избы, попали прямо в руки к фотографу.

Не любил Владимир Ильич фотографироваться. Но тут согласился.

— Только все вместе, — сказал крестьянам. — Общей давайте группой.

Притащили кашинцы лавок, скамеек. Расселись. Вместе со всеми сунулись было дети.

— Кыш, кыш! — закричали на них крестьяне.

— Зачем же, — сказал Владимир Ильич, — пусть и дети будут рядом со всеми.

Бросились ребята к Владимиру Ильичу, каждый старается сесть поближе. Рванулся и Фомка.

— Стой, не беги, — дёрнула Нютка дружка за руку.

Ослушался Фомка. Не удержался на месте. Побежал он со всеми и в общую кучу бухнулся.

А Нютка выждала. Потом важно уселась впереди всех на самом открытом месте.

— Внимание! — крикнул фотограф. — Раз, два. Снимаю! Готово.

До вечера пробыл Владимир Ильич в Кашине. Походил по селу, выступил на крестьянском митинге, посмотрел, как зажёгся электрический свет.

— Чудеса, поистине чудеса! — восхищался электростанцией Ленин. — Прекрасный пример. Вот что значит, когда люди вместе берутся за общее дело. В этом огромная сила!

— Одобряет, — шептались крестьяне. — Оно же точно: когда все разом — сила людская множится.

Простился Владимир Ильич, пожелал крестьянам успехов, уехал.

Уехал и волоколамский фотограф. А через несколько дней прислал он крестьянам снимок.

Собрались крестьяне. Отличная фотография — ясная, чёткая. Вот Владимир Ильич сидит, вот рядом

с ним Надежда Константиновна, вот дед Курков, вот Родионов, Семёнов, старуха Кашкина, другие крестьяне. А вот и ребята — все вместе, все рядом. Много их. Если считать — собьёшься.

Ищет каждый себя. Ищет и Нютка.

«Ну — думает, — я на самом видном, на главном месте».

Смотрит Нютка. Нет Нютки. Вместо девчонки — край платка у обреза тёмным бугром торчит.

Не попала на снимок Нютка.

А Фомка попал. Если глянуть на фотографию, сидит он по самому центру. Только отцовская шапка чуть на глаза наехала. Не успел впопыхах шапку поправить Фомка.

Не послушался Фомка Нютки. Захотел быть со всеми. Не ошибся. Правильно Фомка сделал.

ОПЕРЕДИЛ

Лёнька купался в Пахре. В это время на берегу реки появился Ленин. По строгому приказу врачей прибыл Ленин в Горки на срочный отдых.

Засмотрелся Владимир Ильич на Лёньку — уж больно ловко мальчишка плавал. Кувыркался в воде, нырял. Ложился на спину. Скользил по течению, против. От берега к берегу и снова назад возвращался без всякого отдыха.

И Лёнька заметил Ленина. Только не знал он, что это Ленин. Приехал Лёнька в Горки недавно, принял Владимира Ильича за простого дяденьку.

Когда мальчик вылез на берег, Ленин спросил:

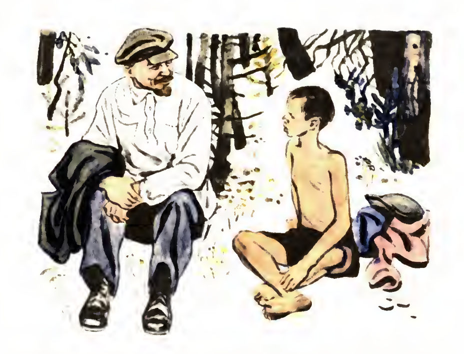
— Ну, как вода?

— Мокрая, — буркнул Лёнька.

Был мальчишка неразговорчивым.

— Значит, мокрая, — усмехнулся Владимир Ильич. Однако мальчик чем-то ему понравился.

Сел Ленин на травянистый пологий склон, глянул на

воду, на Лёньку, снова на воду, потом повернулся к мальчишке и вдруг сказал:

— Давай наперегонки.

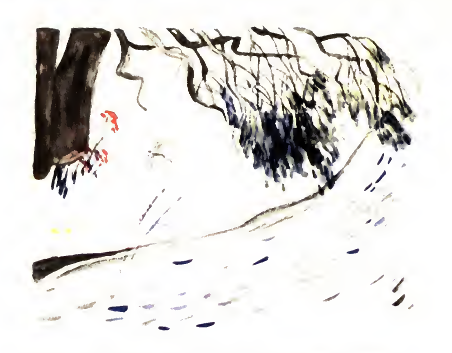
— Можно, — важно ответил Лёнька.

Лёнька отлично плавал. Но и Владимир Ильич был прекрасным пловцом. Он же волжанин. Редко кому удавалось в воде обогнать Ленина.

Поплыли Владимир Ильич и Лёнька. И случилось вдруг так, что мальчик Ленина опередил.

Возвращался домой Владимир Ильич огорчённым.

— Плохи наши дела. Сдаём. Стареем... Стареем. Силы уже не те.

Испортил Лёнька в тот день настроение Ленину.

Сам же Лёнька весьма доволен. Вернулся он в Горки и всем рассказал, что он обогнал на Пахре городского дяденьку.

— Да каков он? — полезли ребята.

— Да так невысокого роста, среднего.

— С бородкой?

— С бородкой.

— С усами?

— С усами.

— Лоб высокий, считай в две ладони?

— Эге.

— Вот так дяденька, — закричали ребята. — Это же Ленин!

У Лёньки так и раскрылся рот.

Неловко тут стало Лёньке: и Ленина обогнал, и разговаривал с ним не очень приветливо. Решил он исправить свою оплошность.

На следующий день мальчик снова помчал на Пахру. Крутился там до самого вечера. Но Ленин не появился.

Больше недели Лёнька ходил к реке. Лишь на десятый день мальчик снова увидел Ленина.

— Ну, как вода? — спросил Владимир Ильич.

— Тёплая! — закричал Лёнька. — Тёплая. Страсть, какая тёплая, Владимир Ильич. Аж горячая!

— Значит, горячая, — усмехнулся Владимир Ильич.

Хочется Лёньке заманить побыстрее Ленина в воду.

— Распрекрасная нынче вода. Пуховая...

Договорились Ленин и Лёнька снова попробовать силы вперегонки. Бросили в воду палку. Поплыли. Лёнька только того и ждал.

Плывёт Лёнька, а сам норовит так, чтобы отстать, но делает это незаметно, чтобы себя не выдать. Для пущей убедительности тяжело дышит.

Но всё же Ленин заметил. Повернулся он к Лёньке:

— Ты что-то хитришь!

— Да что вы, Владимир Ильич, — уверяет Лёнька.

Врёт, самому Ленину врёт и не краснеет!

Понимает Ленин, что Лёнька врёт. Решил уличить мальчишку.

Поплыл Владимир Ильич чуть тише. Смотрит — и Лёнька чуть тише. Ленин взял и ещё потише. И Лёнька снова замедлил плав. Плывут они так и чем ближе к палке, тем тише и тише. Вот, вот остановятся.

Остановился Ленин и к Лёньке:

— Вот и попался!

Понимает Лёнька, что он попался, потупил взор.

— Нехорошо это, Лёня, — уже потом, на берегу, сказал Владимир Ильич. — Непорядочно. Придётся нам повторить.

Снова бросили палку. Снова поплыли. Ясно Лёньке — не получился его обман. Пришлось плыть в полную силу. Плывёт он и что же! Отстаёт мальчишка от Ленина.

Поднажал Лёнька, хотел обогнать Владимира Ильича, видит — не может. Ещё сильнее забил руками — снова не может. Уже не прикидывается, а на самом деле пыхтит-гудит, а всё же догнать Владимира Ильича не может.

Не угнался за Лениным Лёнька. Сконфузился, сник мальчишка.

Возвращался домой Владимир Ильич довольный.

— Значит, наша ещё не сдаёт. Значит, наша ещё поборется...

Идёт Владимир Ильич по тропке:

— Это же просто отменно. Значит, можно закончить отдых, есть ещё порох в пороховницах.

Зато Лёнька плёлся домой смущённым. Хотя и получилось так, как мальчишка того хотел — уступил же он первенство Ленину. Да всё же... Эх, не так представлял себе Лёнька это.

СНЕГИРЬ

Горках, гуляя по парку, Владимир Ильич часто подходил к одному и тому же месту. Высокая ель здесь росла, берёзка, у самой берёзки кусты.

Придёт Владимир Ильич, остановится, подымет голову вверх. Стоит долго, долго. Всё смотрит.

Что же такое там?

Снегири.

Зима. Запорошило снегом кругом дорожки. Ёлки в шубках стоят из снега. Разлетелись другие птицы. Остались в парке одни снегири. Зиме они даже рады.

Смотрит Владимир Ильич на забавных красивых птиц. Вот с розовой грудкой сидит снегирь. Вот ещё один с розовой. А вот прилетел и третий — с красной, как знамя, грудкой. Сразу видать — озорник и проказник: на головке сбились пёрышки в хохолок. Приметил его Владимир Ильич. И снегирь был неглупый — сообразил, что Ленину именно он больше других понравился.

Привыкли птицы к приходам Ленина. Знают: то

хлебных крошек принесёт для них Владимир Ильич, а то и самое вкусное — горсть конопляного семени.

Утро. Едва рассветёт — тут как тут уже снегири. Ждут, когда же появится Ленин.

Непоседы вообще снегири. Эти, однако, прижились. Неделю крутились в парке.

Любуется Ленин на птичку с красной, как знамя, грудкой. Уж больно потешный снегирь. Сядет на ветку,

грудку расправит, головку подымет, смотри, мол, Владимир Ильич. Правда, я самый красивый!

— Правда, — ответит Ленин.

Резвится снегирь: прыг-скок, прыг-скок, с ветки на ветку, с берёзки на ёлку, с ёлки на куст. То вспорхнёт, то снова присядет. Пронесётся у Ленина над головой, бухнется в снег и снова спешит на ветку. Скосит головку, на Ленина с ветки смотрит: «Вот я какой! Правда, я самый проворный!»

Но однажды, гуляя по парку, Владимир Ильич не застал на месте весёлого снегиря. Походил Ильич по другим дорожкам, вернулся — снова нет снегиря.

Забеспокоился Ленин.

— Что же случилось!

А дело в том, что попался снегирь в силок. Поймал его мальчишка Егорка Исаев. Поймал, посадил в клетку, повесил в избе. Томится снегирь в неволе.

Не обнаружил нигде Владимир Ильич снегиря, зато повстречал Егорку. Мальчик снова пришёл сюда, в парк, и снова силки расставил.

Глянул Владимир Ильич на Егорку, на огромный отцовский треух, на огромные дедовы валенки:

— Ты не видел здесь снегиря с красной пушистой грудкой!

«Видел», — хотел было сказать Егорка. Но тут же подумал, а что если Ленин спросит: «Так где же снегирь!»

— Нет, не видел, — сказал Егорка.

— Неужели замёрз снегирь! — тревожится Ленин.

«Да он же сидит в тепле», — хотел было сказать Егорка. Но тут же осёкся.

Потупил глаза мальчишка. Ясно Егорке — очень расстроен Ленин.

— Замёрз, замёрз, — сокрушается Ленин. — Или кошка его схватила.

Не сдержался Егорка.

— Нет, — замахал головой. — Нет. Он живой. Он прилетит.

— Прилетит!!

— Прилетит, прилетит! —закричал Егорка.

Пришёл Владимир Ильич на следующий день к берёзке. Смотрит — прав оказался Егорка, сидит на кустах снегирь. А под берёзкой стоит Егорка.

Посмотрел Владимир Ильич на снегиря, посмотрел на мальчишку, широко улыбнулся.

— Здравствуй, — сказал Егорке.

— Здравствуй, — сказал снегирю. — Где же ты пропадал!

Раскрыл снегирь свой короткий клюв, на Егорку с берёзки глянул.

Похолодало в душе у Егорки. Выдаст его снегирь, вот возьмёт и всё Владимиру Ильичу расскажет.

Однако снегирь смолчал. Понял: не такой уж противный Егорка мальчик. Зачем же зря выдавать Егорку.

ПАМЯТНИК

рестьяне одной из сибирских станиц решили при жизни поставить Ленину памятник. Послали они в Москву своих делегатов с наказом получить от Владимира Ильича на то разрешение.

Прибыли делегаты. Принял их Ленин.

— Здравствуйте. Как вы доехали!

— Хорошо, — отвечают крестьяне.

— Как у вас с урожаем!

— Бог не обидел.

— Нет ли перебоев с товарами в ваших местах!

— Завозят, Владимир Ильич, завозят. И ситцу хватает, и гвозди есть, и с мылом нужды не терпим.

— Ну что же, очень приятные вести, — улыбнулся Владимир Ильич. — Тогда вопросы мои исчерпаны. Слушаю вас, товарищи.

Рассказали делегаты, в чём дело.

— Памятник! — переспросил Владимир Ильич.

— Памятник, — отвечают крестьяне. — Мы уже и камень для фундамента завезли, — сообщили они не без

гордости. — И место, Владимир Ильич, хорошее — на вышине. Берёзы стоят в два обхвата. Речка, желаешь — рядом. Видно кругом. Так что обижен, Владимир Ильич, не будешь.

— А вот и буду, — ответил Ленин. Улыбка сошла с лица. — Буду и даже очень.

Смутились крестьяне. Не ожидали, что дело примет такой поворот.

— Место, согласен, отличное, — сказал Владимир Ильич. — А вот что касается памятника, то тут я решительно против. Категорически, — Ленин повёл ру-

кой. — Так и скажите в Сибири товарищам. Ясно, надеюсь. Благодарю за внимание. Желаю успехов, — попрощался Владимир Ильич.

Вернулись делегаты к себе в станицу, рассказали о встрече с Лениным.

Как водится, пошли разговоры.

— Не желает, выходит, Владимир Ильич.

— Может, место ему не понравилось!

— А вы толком с ним говорили! Сказали, что камень уже завезён!

— Сказали, сказали, — отвечают делегаты. — И

место ему понравилось. И мы говорили яснее ясного. Дело тут, мужики, в другом — скромность великая в Ленине.

Хотели крестьяне наперекор всему всё же поставить памятник Владимиру Ильичу. Однако потом не решились. Уж очень против товарищ Ленин.

— Может, ему виднее...

Стали крестьяне думать, что же им делать с камнем. И место хорошее — зря пропадает.

И вот после долгих споров и пересуд пришли вдруг к такому согласию: построить на месте у тех вековых берёз на зависть округе школу.

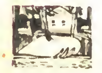
Решили и сделали.

Стоит она нынче на вышине, вписалась в сибирское небо. Берёзы по каждой весне новой листвой рождаются. Речка журчит под обрывом.

Полнится всё вокруг весёлым ребячьим смехом.

Идут годы один за другим. Уходят жизни, события в прошлое. А школа стоит.

Стоит в сибирской станице памятник вечный Ленину.

44 коп.